

Анна Кубанцева

Кто убил мистера Поллини

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.4
ББК 84(2)6
К88

Кубанцева А. С.

Кто убил мистера Поллини / А. С. Кубанцева —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2020. — 77 с.

ISBN 978-5-532-07057-8

Молодой оперативник Алена Винокурова участвует в операции по ликвидации олигарха Ивана Кожемятова. Сам Кожемятов предпочитает называть себя мистер Поллини. Неожиданно его убивают, но делает это не снайпер, а два наглых молодчика в гангстерских костюмах. Его последняя девушка попадает в историю за историей и просит помощи Алены. А сама Алена не верит в виновность главного подозреваемого. Так кто же убил мистера Поллини?

ISBN 978-5-532-07057-8

© Кубанцева А. С., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Глава 1

– Но я не имею ни малейшего представления, кто убил мистера Поллини! – преувеличенно наивно воскликнула я.

Следователь в порыве неудержимого раздражения ударил ладонью по столешнице и заскрежетал зубами. Думаю, с гораздо большим удовольствием, он бы ударил меня.

– Винокурова! – взмолился мой начальник.

Я вздохнула.

– Товарищ капитан, даже принимая во внимание вашу фамилию, – цедил слова следователь, крайне неприятный сухопарый тип, – Ваше поведение тянет на служебное расследование.

Я вторично вздохнула, но ломать комедию мне надоело. Я посмотрела прямо в глаза следователю, и он несколько поежился от быстрой перемены в моем взгляде.

– Товарищ майор, в постановке приказа при направлении меня на задание, было сформулировано оградить гражданских лиц от возможности пострадать при проведении операции по ликвидации Кожемятова. Приказ мною выполнен. Задача изболбить убийц Ивана Кожемятова поставлена не была. Обстоятельства произошедшего изложены мною в поданном рапорте. Если Вы, товарищ майор, не имеете больше ко мне вопросов, то я бы хотела вернуться в отдел.

Я перевела взгляд на начальника, тот хмуро исподлобья смотрел на меня, но кивнул, соглашаясь.

Следователь Проскуряков вздохнул и капитулировал, пообещав насладиться на меня служебное расследование и пробормотав под нос, что из органов сделали проходной двор всякими непонятными девицами.

Я смотрела на него с выражением обычной ласковой дурости, какую я изображаю, слыша подобные инсинуации в свой адрес, сделала ручкой, и мы вышли из кабинета.

Молча покинули здание и направились к стоянке.

– Вас подвезти, товарищ полковник? – спросила я начальника.

Он кивнул, все знали его нелюбовь к вождению автомобиля самостоятельно, а водителя он отпустил в отпуск.

Полковник Шевцов Аркадий Зиновьевич обладал внушительной комплекцией и суровым взглядом, в форме он смотрелся сокрушительно и на многих производил столь неизгладимое впечатление, что некоторые начинали каяться сразу при его появлении.

Я же обладала внешностью Аленушки из сказки. Собственно, как и именем – Алена.

С трудом поместившись на переднее сидение моего мини-купера, полковник снял фуражку, пристроил ее на коленях, по многолетней привычке, вцепился в нее и сурово молчал.

Я не стала развлекать его светской беседой и половину пути мы проделали молча.

– Виокурова, завязывала бы ты следакам хамить, – посоветовал шеф.

– Я не специально, товарищ полковник, оно само.

– Оно само, – передразнил начальник, – да ты знаешь, что твой отец со мной сделает?

И вот за эту манеру совершенно по-бабьи вздыхать и охать, он и получил ласковое прозвище среди подчиненных – Зиночка.

Я кивнула.

– Мы с Вами, товарищ полковник, поедem к нанайцам, движение регулировать, – не отвлекаясь от дороги, сказала я.

Это была любимая угроза моего отца, когда он распекал нерадивых подчиненных:

– А Вы, – кричал в запальчивости отец, – у меня поедете к нанайцам, движение регулировать!

А папа мой служил в звании генерала. Поэтому, когда мне, после проведения сложной операции, досрочно присвоили капитана, в отделе ехидно улыбались и перешептывались, что папа постарался. А то, что я там скакала, как на углях, как-то не рассматривали. Да и зачем, когда есть такая удобная версия, которой можно было объяснить абсолютно все.

Я давно привыкла, что с моей внешностью и папой генералом никто не воспринимал меня всерьез. Несмотря на красный диплом,

полученный вполне самостоятельно, несмотря на то, что я свободно говорю на двух иностранных языках, имею первый взрослый разряд по художественной гимнастике, занимаюсь единоборствами, весьма метко стреляю и обладаю аналитическим складом ума, я все равно была «полицейской куклой Барби» и «ну конечно, у нее же папа генерал».

Впрочем, полковник Шевцов и коллеги, с которыми я непосредственно взаимодействовала, относились ко мне вполне по-человечески, ценили за умение находить выход из сложных ситуаций и разгадывать сложные головоломки.

Я припарковалась и собиралась выходить, но шеф меня остановил:

– Езжай домой, девочка, отдыхай, – вздохнул он, – у тебя была сложная ночь. В понедельник, все в понедельник.

Я не возражала, ночь была правда сложная. Это был не первый труп в моей практике, но перед глазами снова и снова вставало падающее тело Кожемятова перед самым носом у Ирины, которая была в ту ночь его спутницей.

Зайдя домой, я услышала, как что-то шкварчит на плите, значит мама дома.

Несмотря на то, что я была уже вполне себе взрослой девочкой, я продолжала жить с родителями. И дело было не в отсутствии возможности жить отдельно, а в полном отсутствии желания разъезжаться, как с моей стороны, так и со стороны родителей.

Я была поздним, незапланированным ребенком. Хотя в современных условиях совсем даже и не поздним, а вполне своевременным. В общем, поженившись, образцовая пара учительницы и милиционера, родили сына, воспитывали из него настоящего мужчину, и обзаводиться еще потомством уже не планировали. Мама из учительницы превратилась в строгого профессора ведущего ВУЗа города, папа уверенно шел вверх по служебной лестнице и тут сюрприз, в виде шевелений ребенка. Мама была так увлечена карьерой, что происходящие с телом перемены списывала на стресс и возраст. Впрочем, несмотря на мою незапланированность, я была очень любимым ребенком, но в отличие от мнения большинства, отнюдь

не таким избалованным, как можно было подумать. Поскольку сын пошел по отцовским стопам, то мне предполагалось заниматься чем-то исключительно женским. Могу быть как мама педагогом, могу быть врачом, могу даже, прости Господи, моделью. И каково было негодование отца, когда я ни с кем не посоветовавшись, поступила в профильный вуз. Он тут же заявил безапелляционным тоном, чтобы я забирала документы.

– Нет, – спокойно объявила я, не прекращая жевать.

Брови отца взметнулись в немом недоумении, что я посмела возражать.

Лешка, мой брат, к тому моменту уже жил своей семьей, благополучно женившись на воспитателе детского сада Марине, проходившей свидетельницей по одному делу, но в этот совсем не прекрасный для моего отца вечер, они ужинали с нами.

– Как прикажете это понимать? – достаточно сухо спросил отец.

– Как изволите, – равнодушно парировала я.

Лешка всегда отца боготворил и даже боялся, и моя непочтительность и непокорность в тот момент приводили его в священный ужас.

– Алена, ты не представляешь себе, что такое жизнь мента, – пришел он на помощь отцу.

– Действительно, у нас же в семье двоих ментов нет, – хлопнула я глазами ему в ответ.

– Вот третий нам абсолютно без надобности! – взорвался все-таки отец.

– А зря, Бог любит троицу, – спокойно пожала плечами я.

Мама испуганно переводила взгляд с одного члена семьи на другой.

Отец молчал и боролся с гневом.

– Значит так, Алена Дмитриевна, – холодным тоном, в конце концов, объявил он свое решение, – я палец о палец не ударю, чтобы Вам чем-то помочь ни в учебе, ни в распределении. А при малейшем дисциплинарном проступке, ты у меня...

– Поеду к нанайцам регулировать движение, – закончила я за него.

Впрочем, отец нарушил свое слово и после первой же сессии поинтересовался как дела у студентки Винокуровой. Каково же было его удивление, когда ему, запинаясь, ответили, что студентка в свое время на вопрос о родственных связях с генералом Винокуровым, ответила, что они просто однофамильцы. Станным образом это успокоило отца и с тех пор он начал интересоваться моими делами непосредственно у меня, и дома наступил долгожданный мир.

– Мамуль, ты дома? – спросила я, заходя на кухню и чмокая ее в щеку, – неожиданно и приятно. А как же университет, не развалится без тебя?

– Думаю, прекрасно справятся. А я тебе блинчиков сделала, иди, умывайся и будем завтракать, – деланно беззаботно пропела мама.

Сложив два и два, я спросила.

– Что, отец звонил? – без обиняков спросила я.

– Звонил, – не стала хитрить мама.

– И как он? Сильно зол?

– В бешенстве, – подтвердила мама, – Шевцова, разумеется, к нанайцам, а эту глупую девчонку в детскую комнату милиции. Или в пресс-службу, пусть, говорит, глазами на камеру хлопает.

Стоит ли говорить, что кличка в широких кругах у моего отца Нанаец.

Я вздохнула.

– Алenuшка, ты хоть понимаешь, как мы испугались? Ты глупая, непокорная девчонка! Я скоро соглашусь с папой, что тебе место в пресс-службе, – выговаривала мне мама, прижимая меня к себе.

Я обнимала ее в ответ, стараясь успокоить.

– Мам, все было хорошо, ничего страшного.

– Конечно, ничего, абсолютно, всего-то перестрелка и взрыв!

Но мама быстро взяла себя в руки.

– Ладно, нотации тебе вечером отец прочтет. Иди в ванную, и я тебя жду за столом.

– Есть, – привычно произнесла я и скрылась в ванной.

Конечно, успокаивая мать, я преувеличивала свое спокойствие. Сейчас, оставшись, наконец, в одиночестве, намыливая руки, я с неудовольствием отметила, что они мелко дрожат. Дрожь быстро

распространилась на все тело и меня забило в ознобе. Я быстренько забралась под струи горячей воды и бессильно села в ванну, подтянув ноги к подбородку. Что-то не сходилось во всей этой истории. Во-первых, только, когда все закончилось, я узнала, что операция была не только совместная со смежными подразделениями нашего родного ведомства, но и с ФСБ. Во-вторых, количество засланных казачков на вечеринку, едва ли не превышало количество остальных гостей.

Я поняла, что испытываю непонятное чувство жалости к Кожемятову. Его предали. Его предали бесчисленное количество раз и поэтому он теперь лежит на холодной полке морга. А он верил всем этим людям, которые собрались на вечеринку по случаю его дня рождения, зная, что в финале именинник станет трупом. Знали, пожалуй, все, кроме Ирины. Так же, уже утром, я с удивлением узнала, что Ирина была не давней подругой Кожемятова, а тоже приставленной к нему приманкой. Надо будет покопаться в деле, хочу понять: это на чем взяли.

Я облачилась в любимую розовую пижаму и тапки с единорогами и вышла к маме. Она не любила говорить о нашей работе. В детстве меня это удивляло, я не могла понять: почему маму не интересует такая интересная, полная приключений работа отца, а потом, когда сама начала работать, я поняла, что мама просто безумно боится за нас.

Она окинула меня взглядом и покачала головой:

— И эта девушка лезет под пули.

— Мама, я не лезу под пули.

— Конечно, это пули гоняются за тобой.

Мы провели очень милый день, смотря глупые сентиментальные фильмы о любви и, наконец, пришел папа.

Его взгляд, устремленный на меня, не обещал ничего хорошего, но видно за день он успел успокоиться и не кинулся на меня с порога.

Как ни странно, он не затронул эту тему и за ужином. Я совсем уж было решила, что буря миновала, как папа сразил меня наповал, обратившись к маме:

– Вика, нам с коллегой нужно поговорить с глазу на глаз, – и кивком головы показал на меня.

Мама понимающе вышла, а папа встал, налил в два стакана виски, пододвинул один мне и стал, молча, сверлить меня взглядом.

Я была не слишком эмоциональна, в противном случае, моя челюсть бы уже грохнулась о стол от происходящего.

– Ну – с, капитан Винокурова, докладывайте, – предложил отец.

– С чего начать, товарищ генерал?

– Для начала я хотел бы знать, кому принадлежит эта гениальная идея привлечь тебя к проведению операции.

– Мне.

– И почему я в этом не сомневался, – покачал головой отец, – так, расскажи мне с того момента, как началась заварушка.

Чутье у моего отца как у охотничьей собаки, и я поняла, что меня не зря терзали противоречия, раз отец заинтересовался.

– Мордатый парень, который оказался, майором ФСБ, с криком «Ах ты, мент поганый!» засадил в морду своему визави, в другом конце зала поднялся приглашенный Кожемятова и с криком «Атас, мусора» перевернул стол и ринулся к выходу.

– Мужики нюхали? – спокойно перебил отец.

– Не заметила, – покачала я головой, – в общем, после этого, все и началось. Кстати, ОБЭПник начал драку в своем углу зала по заданию или добровольно? Достаточно не вовремя. Кто-то выстрелил первый, я не видела, кто это был, палить начали со всех сторон, я подумала, что самое благоразумное не палить контору в двух шагах от Ивана Кожемятова, а постараться укрыть от случайных пуль тех, кто рядом. Я перевернула стол и затащила туда Ирину, приказав лечь и не шевелиться, в этот момент, по другую сторону рухнул Кожемятов, его лицо было как раз рядом с головой Ирины, она начала визжать, я подняла голову, двое в костюмах гангстеров проходили с нашей стороны, совершенно не прячась, один посмотрел мне прямо в лицо, они не бежали, вообще не особо торопились, Я решила их задержать, потому что поняла, что это не оперативники, так как было оговорено, что Кожемятова снимет снайпер. Я вскочила на ноги, вытащила пистолет, но какой-то совершенно пьяный тип, решил, что

девка с пистолетом шикарный спарринг партнер, поэтому я огрела его по скуле своим табельным оружием и потеряла время. Одного из этой парочки я, конечно, зацепила, но по касательной, в плечо. Это никак не поможет нам его найти.

Последнюю фразу я произнесла очень расстроено и не сразу заметила, как папа сардонически улыбается, слушая меня.

– Чего? – нерешительно улыбнулась я в ответ отцу.

– Когда ты была маленькой, ты так расстраивалась, если не удавалось стащить шоколадку из буфета, а сейчас она сидит расстраивается, что, видите ли, потеряла время, чтобы положить бугая с оружием. Ладно, продолжай.

– Потом я заметила, что у человека в нескольких метрах от меня в руках граната, поэтому я собрала женщин, которых успела дернуть за минуту и вывела из здания.

– Через окно, – закончил за меня отец.

– Первый этаж, – пожала я плечами.

Мы замолчали. Отец размышлял, постукивая пальцами по столу.

– Не сходится, – в конце концов, сказал он, совсем как я недавно, – для профессионалов они работали слишком топорно, поэтому заказ отпадает, среди приглашенных их не было, чтобы это было можно было принять за случайную жертву, и ни одно ведомство в них не опознает своих сотрудников.

– Подожди, что значит: не опознает? – дошел до меня смысл папиных слов, – составили фотороботы?

– Детка, – вздохнул отец, – там же повсюду были камеры.

А мне это и в голову не пришло. Все же видно нечего мне делать на своей работе.

Я помолчала.

– А почему ты решил со мной поговорить как с коллегой? – все же задала я вопрос, – ты же всегда считал, что мне нечего делать в органах?

– Я и сейчас так считаю, – кивнул отец, – но посмотрев записи, я не могу отказать тебе в профессионализме.